

С.Л.Шараков, В.В.Дудкин

МОТИВ ПОКАЯНИЯ В РОМАНЕ Ф.М.ДОСТОЕВСКОГО «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»

Статья посвящена мотиву покаяния в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы». Основное внимание уделяется гносеологическому содержанию покаяния, образно-символически выраженному в произведении. Выявляется евангельский и святоотеческий контекст мотива покаяния в романе.

Ключевые слова: Ф.М.Достоевский, «Братья Карамазовы», мотив покаяния, духовный символизм, внутренний / новый человек

Тема покаяния у Достоевского начинает полномерно звучать с 1865 г. — времени работы над «Преступлением и наказанием», того времени, которое С.Фудель назовет «открытой исповедью христианства в искусстве». Известная запись в Подготовительных Материалах (ПМ) к роману: «Православное воззрение, в чем есть Православие. Нет счастья в комфорте, покупается счастье страданием» [1, с. 154]. Искупление страданием подразумевает покаяние. Первоначально покаяние назначалось Свидригайлову: «Бес мрачный, от которого не может отвязаться. Вдруг решимость изблечить себя, всю интригу; покаяние, смирение, уходит, делается великим подвижником, смирение, жажда претерпеть страдание. Себя предает. Ссылка. Подвижничество» [1, с. 156]. Но затем, как отмечено в Примечаниях к роману в ПСС, в романе роль покаяния будет отдана Раскольникову. Но и в образе главного героя на покаяние лишь указывается: «Он даже и не знал того, что новая жизнь не даром же ему достается, что ее надо еще дорого купить, заплатить за нее великим, будущим подвигом...» [2, с. 422]. «Новая жизнь» невозможна без покаяния, поэтому плата за нее подвигом страдания и есть указание на покаяние.

Но изобразить покаяние и указать на него — разные вещи. В следующем романе «Идиот» в центре внимания писателя вновь встанет тема покаяния: в ПМ к роману речь идет о реабилитации Настасьи Филипповны. «Реабилитация» = восстановление и оправдание. Мышкин оправдывает Настасью Филипповну, называя ее невиновной. Но возрождения героини в романе не происходит. Не оттого ли процесс восстановления, спасения человека, заявленный в ПМ, так и не удался в романе, что там, где должно быть покаяние, Достоевский видит реабилитацию? В работе над романом «Бесы» тема покаяния вновь будет в центре внимания писателя. А одновременно с «Бесами» задумывает «Житие великого грешника», а идеи этого замысла, связанные с покаянием, отобразятся в трех последних произведениях писателя. В «Бесах» предполагалось покаяние Ставрогина. Повествование от первого лица в «Подростке» видится как форма исповеди.

Роман же «Братья Карамазовы» посвящен покаянию, он — о покаянии.

Но прежде чем мы начнем говорить о мотиве покаяния в романе, следует ответить на вопрос: почему Достоевский столько внимания уделяет теме покаяния?

Покаяние — значимое начало христианской жизни и значимая категория христианского сознания. Прп. Симеон Новый Богослов называет покаяние древом, стоящим посреди Церкви, подобно тому как посреди рая стоит древо жизни, так как через покаяние человек возвращается от смерти к жизни. Покаяние есть возобновление крещения [3, с. 542-543].

Иисус Христос говорит, что пришел призвать грешников к покаянию, поэтому Евангелие и начинается с призыва: «Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное» (Мф. 3: 3). В выражении «приблизилось Царство Небесное» есть и гносеологическое содержание: в покаянии человеку открывается духовное видение духовного мира. Первая ступень такого видения — видение своих грехов: человек начинает видеть себя хуже других. В этом смысле, покаяние есть средоточие духовной жизни, поэтому различение апостолом Павлом духовного и душевного человека основано на критерии покаяния.

Аскетические творения св. Отцов, в которых описывается духовная борьба на пути покаяния, суть средоточие святоотеческой письменности. Подвижник XX столетия игумен Никон [Воробьев] пишет: «... если человек не понимает аскетической жизни Отцов, не интересуется ею, то это означает, что он мертв и вообще ничего не понимает в духовной жизни, — кто бы он ни был — архиерей ли, профессор богословия, монах или священник» [4, с. 113-114].

Священномученик Илларион Троицкий называет покаяние сущностью христианской жизни [5, с. 111] и утверждает, что не в догматике, а в понимании покаяния проявляется различие между Православной Церковью и Католичеством [5, с. 111]. В Православии наказание — епитимия — понимается как врачевание большой страстями души. Оно дается для совершенствования души. В Католичестве преобладает юридическое понимание: епитимия есть судебное взыскание. «...Латинские пенитенциалы не столько дают руководство к познанию греховности человека и назначению приличествующего врачевания, сколько представляют кодекс всевозможных епитимий, которыми исповедующий должен наказывать признавшихся в своих преступлениях грешников» [5, с. 133].

Вот и в романе «Братья Карамазовы» в келье старца Зосимы обсуждается вопрос о государственном и церковном суде. Государственный суд карает преступника, механически отсекает того от общества, церковный суд, напротив, видит своей целью возрождение, воскресение и спасение человека. Об этом написана статья Ивана Зосима, в свою очередь, также различает суд государственный и церковный: «... если бы теперь не было Христовой церкви, то не было бы преступнику никакого и удержу в злодействе и даже кары за него потом, то есть кары настоящей, не механической, <...> и которая лишь раздражает в большинстве случаев сердце, а настоящей кары, единственно действительной, единственной устрашающей и умиротворяющей, заключающейся в сознании собственной совести» [6, с. 59]. Далее старец проводит связь между Римом, то есть католичеством и государством, в основе своей, установлением языческим: «В Риме же так уж тысячу лет вместо Церкви провозглашено государство. А потому сам преступник членом Церкви уж и не осознает себя и, отлученный, пребывает в отчаянии. Если же и возвращается в общество, то нередко с такою ненавистью, что самое общество как бы уже само отлучает от себя» [6, с. 61]. В словах Зосимы, таким образом, выражено различие между католическим и православным пониманием наказания как формы покаяния.

Главная сюжетная коллизия в романе выражает проблему покаяния. Митя Карамазов не виновен в смерти отца, но осужден государством на каторгу, то есть отсечен от общества. В то же время, в герое рождается новый человек, и этому рождению предшествовало покаяние. Герой виновен в смерти отца перед духовным законом — законом Христовой любви. Но в покаянии он возрождается и соединяется с Богом — так рождается новый человек. Государственный же суд просмотрел рождение этого нового человека.

О рождении нового человека говорится в эпитафии. «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода» (Ин. 12: 24). Здесь Христос указывает на свою крестную смерть и будущее воскресение из мертвых. А в следующем стихе устанавливает закон для Своих последователей: «Любящий душу свою погубит ее; а ненавидящий душу свою в мире сем сохранит ее в жизнь вечную» (Ин. 12: 25). Как скажет апостол Павел, в ветхом человеке, то есть в человеке, живущим по велению страстей, должен родиться новый человек. Рождение нового человека и путь к вечной жизни происходит из духа и подвига покаяния.

В этом смысле, роман «Братья Карамазовы», на что указывает эпитафия, это роман о рождении нового человека в покаянии.

Образец покаяния мы находим в жизни старца Зосимы. Свое внутреннее состояние до покаяния старец выражает в словах о кадетском корпусе, в котором он служил. «Лоск учтивости и светского обращения вместе с французским языком приобрел, а служивших на в корпусе солдат считали мы все как за совершенных скотов, и я тоже. <...> Когда вышли мы офицерами, то готовы были проливать свою кровь за оскорбленную полковую честь нашу, о настоящей же чести почти никто из нас и не знал, что она такое есть, а узнал бы, так осмел бы ее тотчас же сам первый. Пьянством, дебоширством и ухарством чуть не гордились. Не скажу, чтобы были скверные; все эти молодые люди были хорошие, да вели-то себя скверно, а пуще всех я» [6, с. 268].

Хорошие люди, а ведут себя скверно. Готовы свою кровь проливать за полковую честь, а солдат считали за скотов. Зосима описывает такое духовное состояние, которое можно назвать грехом самооправдания. Прп. Марк Подвижник пишет о том, что всякий человек после грехопадения, как и первые люди в раю — Адам и Ева — стоит перед духовным выбором: либо идти путем покаяния, либо путем самооправдания: «Первозданные Адам и Ева устыдились друг друга, увидев себя нагими; так и мы, утратив непорочность незлобия в духе, стыдимся друг друга в совести. Тогда шиваем себе одежду из листьев смоковницы: облакаясь пустыми словами и образами лживого словооправдания. В противоположность мягкой одежде из листьев, Господь устраивает нам суровую одежду из кож, знаменующую жителство подвижническое, и говорит: *в терпении вашем стяжите души ваши* (Лк. 21: 18). Он преподает наставление, соответственное данной одежде: *сберегший душу свою в злопомнении или в каком другом грехе, погубит ее: а потерявший душу свою, не позволяя ей ни злопомнения, никакого другого греха, в жизнь вечную сохранит ее*» [7, с. 161]. То есть Марк Подвижник устанавливает покаянный контекст тезиса об условиях живой и мертвой души.

Таким самооправданием для Зиновия является понятие полковой чести, соблюдение которой покрывало нравственную распущенность. В самооправдании человек видит себя не хуже других — в этом и есть суть этой страсти. Покаяние Зосимы начинается с позора покаянного коленипреклонения его, офицера, перед денщиком Афанасием и признания себя хуже всех: «...воистину я за всех, может быть, всех виновнее, да и хуже всех на свете людей!» [6, с. 270]

Духовный путь Мити связан с действием в нем сластолюбия. Как говорит герой сам о себе, он «любил разврат, любил и срам разврата» [6, с. 100]. Митя стыдится греха: он испытывает чувство унижения и позора, но не борется с грехом, а прячет его, прячет за *словооправдание*. Таким словооправданием для него служит признание за собой благородных мыслей, чувств и поступков.

Он пытается овладеть Катериной Ивановной при помощи денег, но и тут оправдывает себя: «Слушай: ведь я, разумеется, завтра же приехал бы руку просить, чтобы все это благороднейшим, так сказать, образом завершить и чтобы никто, стало быть, этого не знал и не мог бы знать. Потому что ведь я человек хоть и низких желаний, но честный» [6, с. 105]. Самооправдание и становится тем началом, которое не дает герою встать на путь исправления, покаяния. Именно самооправдание водит Митю по кругам, так что всякий раз, когда он пытается выйти на спасительную дорогу, его ожидает тупик.

Митя не может принять, что в его душе нет даже островка чистоты, что даже *честность / благородство*, что он считал в себе высоким началом, им предана. Доказать всем и, прежде всего самому себе, что он честен — вот что толкает героя на поиски денег. Желание скрыть черноту своей души от людей и от себя не дает герою встать на путь деятельного исправления — покаяния. *Плоть* в герое оживлена, а душа, страдая тяжким недугом, влечется к гибели.

Но потрясения ночи, когда убили Федора Павловича, арест и выдвинутое против него обвинение в убийстве отца становятся ударом судьбы, подвигают героя на покаяние: «Понимаю теперь, что на таких, как я, нужен удар, удар судьбы, чтоб захватить его как в аркан и скрутить внешнею силой. Никогда, никогда не поднялся бы я сам собой! Но гром грянул. Принимаю муку обвинения и всенародного позора моего, пострадать хочу и страданием очишусь!» [6, с. 458] Он видит сон *про дите*, и во сне его охватывает состояние *умиления*: «И чувствует он еще, что подымается в сердце его какое-то еще не бывалое в нем умиление, что плакать ему хочется, что хочет он всем сделать что-то такое, чтобы не плакало больше дите, не плакала бы и черная иссохшая мать дити, чтоб не было вовсе слез от сей минуты ни у кого...» [6, с. 457]

Достоевский точно изображает первые признаки покаяния. Как пишет свт. Игнатий [Брянчанинов], выражая святоотеческий опыт, *умиление* есть первое духовное ощущение, указывающее на прикосновение к душе благодати Божией: «При истинно духовном подвиге благодать Божия, насажденная в нас Святым Крещением, начинает исцелять нас мало-помалу от слепоты духа посредством умиления. В противоположность состоянию слепоты мы начинаем входить в состояние видения. <...>. Умиление есть первое духовное ощущение, доставляемое сердцу осенившею его Божественною благодатию. Оно состоит из вкушения Богоугодной печали, растворенного благодатным утешением, и отверзает пред умом доселе не виденное им зрелище» [8, с. 421].

Так и Митя посредством умиления входит в состояние видения — видения себя виноватым перед всеми и за все, видит себя хуже всех. Он повторяет слова молитвы перед причащением, в которых причастник исповедует себя самым грешным из людей: «...из них же первый есмь аз...» Так исповедует и Митя: «Господа, все мы жестоки, все мы изверги, все плакать заставляем людей, матерей и грудных детей, но из всех — пусть уж так будет решено теперь — из всех я самый подлый гад!» [6, с. 458]

Мите открылся иной мир: если ранее он пел *гимн Богу* из глубины греховного падения, то теперь надеется на воскресение к радости и желает петь гимн Богу из глубины искупительного страдания: «О да, мы будем в цепях, и не будет воли, но тогда, в великом горе нашем, мы вновь воскреснем в радость, без которой человеку жить невозможно, а Богу быть, ибо Бог дает радость, это Его привилегия, великая... Господи, истай человек в молитве! Как я буду там под землей без Бога? <...>. И тогда мы, подземные человеки, запоем из недр земли трагический гимн Богу, у которого радость! Да здравствует Бог и Его радость! Люблю Его!» [9, с. 31]

Меняется и состояние *плоти* героя. В начале романа акцентируется физическая сила старшего-Карамазова: «Был он мускулист, и в нем можно было угадывать значительную физическую силу, тем не менее в лице его выражалось как бы нечто болезненное. Лицо его было худощаво, щеки ввалились, цвет же их отливал какою-то нездоровою желтизной» [6, с. 63]. Болезненное лицо, указывающее на недуг духовный, контрастирует со здоровым телом. Ситуация полярно меняется в момент наступления покаяния. Вот как описывается телесное состояние героя непосредственно перед сном *про дите*: «Все какое-то странное физическое бессилие одолевало его чем дальше, тем больше. Глаза его закрывались от усталости» [6, с. 456]. Сон про дите, чувство умиления свидетельствуют о наступлении покаяния, душа Мити оживает и его лицо озаряется радостью: «"Я хороший сон видел, господа", — странно как-то произнес он, с каким-то новым, словно радостью озаренным лицом» [6, с. 457].

Такая духовная закономерность прослеживается и в сценах суда. Митя является ужасным франтом: «Главное, он явился ужасным франтом, в новом с иголки сюртуке. <...>. Был он в новешеньких черных лайковых перчатках и в щегольском белье» [9, с. 93]. Новая, щегольская, одежда символизирует настрой героя: в нем вновь оживает *плоть* — оживает словооправдание, желание выглядеть лучше, чем есть на самом деле: «Признаю себя виновным в пьянстве и разврате, — воскликнул он каким-то опять-таки неожиданным почти иступленным голосом, — в лени и в дебоширстве. Хотел стать навеки честным человеком именно в ту секунду, когда подсекла судьба! Но в смерти старика, врага моего и отца, - не виновен! Но в ограблении его — нет, нет, не виновен, да и не могу быть виновным: Дмитрий Карамазов подлец, но не вор!» [9, с. 94] Но в ходе суда внутреннее, духовное, начало берет верх над внешним, что, опять же, сопровождается усмирением плоти: «Митя встал, но сказал немного. Он был страшно утомлен и телесно, и духовно. Вид независимости и силы, с которым он появился утром в зал, почти исчез. Он как будто что-то пережил в этот день на всю жизнь, научившее и вразумившее его чему-то очень важному, чего он прежде не понимал. Голос его ослабел, он уже не кричал. Как давеча. В его словах послышалось что-то новое, смирившееся, побежденное и приникшее» [9, с. 175]. Смиряется и побеждена именно *плоть*. Духовное начало, напротив, оживает, что выражается в изменившейся самооценке — герой уже не говорит о своей честности, не оценивает свои *положительные* качества, он смиренно признает обвинительный приговор, видит в нем суд Божий и утверждает свое стремление к добру: «Суд мой пришел, слышу десницу Божию на себе. Конец беспутному человеку! Но как Богу исповедуясь, и вам говорю: "В крови отца моего — нет, не виновен!" В последний раз повторяю: "Не я убил". Беспутен был, но добро любил» [9, с. 175].

Так Митя встает на путь спасения — это путь постепенного умирания *плоти* с ее страстными требованиями и оживления *духовного*. Реалии *внутреннего человека* меняются: если раньше он мучился вопросом об отсутствии границ между грехом и чистой, то теперь он несет труд терпения в выбранной им дороге. Возможный побег с каторги он воспринимает как бегство от страдания, от данного ему Богом креста. Таким образом, в жизни Мити Карамазова исполняется духовный закон, выраженный евангельским словом о зерне: упавшее в землю зерно проросло.

На исходе своего жизненного и творческого пути Достоевский назовет главный предмет изображения, который его как художника интересовал: «Я изображаю глубины души человеческой». Это изображение символическое. Три уровня символизма просматриваются в романе. Есть символизм социальный: четыре брата Карамазова символизируют интеллигентный строй России того времени. Есть символизм историософский: сознания братьев Карамазовых связаны с тем или иным культурно-историческим типом. И есть символизм духовный: в нем раскрываются пути покаяния. Выбор героя между самооправданием и покаянием задает символическую глубину главных действующих лиц произведения. Из вышеизложенного можно сделать вывод, что изображение глубин души человеческой для Достоевского было изображением покаяния.

1. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 7. Л.: Наука, 1973. 416 с.
2. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 6. Л.: Наука, 1973. 423 с.
3. Сокровищница духовной мудрости: В 12 т. Т. 7. М.: Изд. МДА и Введенской Оптиной Пустыни, 2005. 656 с.
4. Никон [Воробьев], игумен. О началах духовной жизни. М.: Издательство Московской Патриархии РПЦ, 2014. 400 с.
5. Священномученик Иларион [Троицкий]. Творения: В 3 т. Т. 2. М.: Изд. Сретенского монастыря, 2004. 392 с.
6. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 14. Л.: Наука, 1976. 511 с.
7. Цит. по Полное собрание творений святителя Игнатия Брянчанинова: В 5 т. Т. 4. М.: Паломник, 2014. 624 с.
8. Полное собрание творений святителя Игнатия Брянчанинова: В 5 т. Т. 2. М.: Паломник, 2014. 704 с.
9. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 15. Л.: Наука, 1976. 624 с.

References

1. Dostoevskiy F.M. Complete works in 30 vols, vol. 7. Leningrad, 1973. 416 p.
2. Dostoevskiy F.M. Complete works in 30 vols, vol. 6. Leningrad, 1973. 423 p.
3. Sokrovishchnitsa dukhovnoy mudrosti [Treasury of spiritual wisdom: in 12 vols, vol. 7. Moscow, 2005. 656 p.
4. Nikon [Vorob'ev], igumen. O nachalakh dukhovnoy zhizni [On the principles of spiritual life]. Moscow, 2014. 400 p.
5. Svyashchennomuchenik Ilarion [Troitskiy]. Works in 3 vols, vol. 2. Moscow, 2004. 392 p.
6. Dostoevskiy F.M. Complete works in 30 vols, vol. 14. Leningrad, 1976. 511 p.
7. Complete works of Ignat'y Bryanchaninov in 5 vols, vol. 4. Moscow, 2014. 624 p.
8. Complete works of Ignat'y Bryanchaninov in 5 vols, vol. 2. Moscow, 2014. 704 p.
9. Dostoevskiy F.M. Complete works in 30 vols, vol. 15. Leningrad, 1976. 624 p.

Sharakov S.L., Dudkin V.V. Motive of repentance in the novel by F.M.Dostoevsky “The Brothers Karamazov”. The article explores the motive of repentance in the novel by F.M. Dostoevsky “The Brothers Karamazov”. The main attention is paid to the epistemological content of repentance, figuratively and symbolically expressed in the work. The gospel and patristic context of the motive of repentance in the novel is revealed.

Keywords: F.M.Dostoevsky, “The Brothers Karamazov”, motive of repentance, spiritual symbolism, inner / new person.

Сведения об авторах. Сергей Леонидович Шараков — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Дома-музея Ф.М.Достоевского в Старой Руссе; ssharakov@yandex.ru; Виктор Викторович Дудкин — доктор филологических наук, профессор; НовГУ имени Ярослава Мудрого; viktordudkin1@yandex.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 10.11.2019. Принята к публикации 30.11.2019.